

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

**«РЫДАНИЕ» ИОАННА ЕВГЕНИКА
И ЕГО ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРЕВОД**

29 мая 1453 г. — день, когда полчища турецких завоевателей приступом овладели византийской столицей, — был днем утверждения хищного Османского государства на Балканском полуострове. Падение Константинополя имело главным образом политическое значение, ибо фактически территория Византийской империи уже более полувека ограничивалась предместьями столицы, и ее правители были давно данниками турецких султанов. Сокрушив Византийскую державу, уничтожив ее престиж и авторитет, турецкие султаны стремились тем самым закрепить свое господство над попавшими под их ярмо балканскими народами.

С падением Константинополя жестокая многовековая борьба греков, албанцев, сербов, болгар, валахов и молдаван за свою независимость от турецких насильников переходит в новую стадию.

Взятие византийской столицы Турции вызвало, естественно, чрезвычайно широкий отклик у всех народов того времени как на Востоке, так и на Западе. Особенно живые и непосредственные отклики падение Константинополя вызвало в Русском государстве. Здесь они были тесно связаны по своему содержанию и характеру с политическими настроениями и взглядами идеологов Русского централизованного государства, сформировавшегося в то время вокруг Москвы. В русской литературе и публицистике конца XV—XVI вв. мы находим значительное число произведений, прямо или косвенно касающихся падения Византии. Повествования о падении Византии непосредственно служили возвеличению Москвы как «Третьего Рима», обоснованию всемирно-исторического значения Русского государства. Многие из них еще недостаточно изучены и даже не учтены. Кроме известной повести, принадлежащей перу Нестора Искандера, уроженца России, непосредственного участника и очевидца изображаемых им событий, следует назвать особую хронографическую повесть о тех же событиях, сохранившуюся в нескольких редакциях (автор ее неизвестен). Названные повести пользовались чрезвычайно широким распространением, редактировались и переписывались как в виде самостоятельных произведений, так и в составе различных исторических компиляций вплоть до начала XVIII в., когда, в связи с турецкими походами Петра I, вновь ожилась жгучий интерес к описываемым событиям.

Если изредка в русских публицистических произведениях XVI в. (И. Пересветов) мы встречаемся с попытками идеализации и даже оправдания турецкого завоевания, то в громадном большинстве случаев завое-

вание Константинополя турками расценивалось в русской литературе как историческая катастрофа мирового значения, как источник, прежде всего, неисчислимых бедствий для «единоверных» и «единокровных» Руси балканских народов; произведения того времени проникнуты глубоким сочувствием, в частности, к грекам, подпавшим под турецкое ярмо.

Одним из первых по времени непосредственных откликов на взятие Царьграда Мехмедом II следует считать «Рыдание» Иоанна Евгеника — современника турецкого разгрома Византии, и почти одновременный созданию подлинника его древнерусский перевод.

Одной из причин падения Византийской империи явилось то, что ее господствующий класс к моменту турецкого завоевания оказался расколотым на три враждующих между собой течения: западническое-латинофильское, «ортодоксально»-православное и туркофильское. Не организовав сплоченного отпора войскам врага, приверженцы этих группировок бесплодно растрчивали свои силы во взаимной борьбе. Страстная полемика представителей «ортодоксально»-православного течения была направлена против изменнических, унижительных и бесполезных попыток латинофилов ценою отступничества и низкопоклонства перед папой римским и западноевропейскими монархами добиться их выступления против турок в защиту Византии.

Однако и греко-православное направление, первоначально пользовавшееся поддержкой большинства населения Византии, также не оправдало надежд византийского народа и не сумело сплотить его на защиту государства от турецкого нашествия. К. Маркс отрицательно оценивает роль главного руководителя этого направления — Георгия (Геннадия) Схолярия, не во-время разыгравшего «предательский фанатизм»¹ и после взятия Константинополя турками ставшего (с утверждения султана) греческим патриархом.

К числу руководителей «ортодоксально»-православного направления в последние годы существования Византийской империи принадлежал также и Иоанн Евгеник — один из виднейших деятелей византийской литературы того времени.

Брат Марка Евгеника, митрополита Эфесского, участника Ферраро-флорентийского собора, пламенного и усердного противника сближения с Римом, Иоанн тоже был активным деятелем греко-православной партии и поэтому пользовался большим авторитетом в кругах церковников не только у себя на родине, но и в России. После смерти своего брата, в 1449 г., во время диспута с латинянами, номофилакс Иоанн Евгеник занял его место «как поборник православных воззрений»².

Литературная деятельность Иоанна Евгеника, диакона по церковному сану и номофилакса по почетному титулу, протекала, главным образом, на его родине, в Трапезунтской империи. Так же как Виссарион Никейский, его заклятый политический враг, Иоанн родился в городе Трапезунте; даты его рождения и смерти точно не установлены. О его творчестве мы осведомлены чрезвычайно мало. Обычно деятельность его относят к первой половине XV в.³

Перу Иоанна Евгеника принадлежат многочисленные красочные «описания», так называемые *ἐκφράσεις*, составленные в риторическом стиле.

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, стр. 207.

² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 71.

³ К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1891, S. 211.

Творчество его является ярким свидетельством того, что риторическое направление в литературе продолжало развиваться и процветать до самого конца существования Византийской империи¹. В своих «описаниях» Евгеник использует образцы, созданные в этом жанре его предшественниками, в частности Филостратом, которому он подражает с большой тщательностью².

Известно принадлежащее его перу описание Трапезунта Ἐκφράσις Τραπεζοῦντος, в котором автор изображает свой родной город, возвысившийся в XIII—XIV вв., в эпоху существования Трапезунтской империи. В этом сочинении автор показывает местоположение города, описывает его красивые окрестности, приводит краткие данные из истории города. Обычно считают, что изображение красот природы у Евгеника, как и у других византийских авторов, его современников и предшественников, основано не столько на непосредственном наблюдении окружающей действительности, сколько на подражании общепризнанным литературным образцам. Действительно, «Описание Трапезунта» часто воспроизводит отдельные места сочинения известного писателя X в. Иоанна Камениаты, который предпосылает своему повествованию об опустошительном землетрясении, разрушившем в 904 г. Фессалонику, подробное описание этого города.

Другое «Описание» Ἐκφράσις Иоанн Евгеник посвятил острову Имброс, третья — городу Коринфу. Кроме пейзажных, географических описаний, он создал ряд произведений, которые можно назвать ἔκφρασις в тесном значении слова: это описания живописных изображений — икон, картин. Помимо этого, Евгеник написал предисловие (προθεορίχ) к «Истории Эфиопии» Илиодора, несколько ямбических стихотворений и эпитафию самому себе.

Особый интерес представляет еще одно его произведение, именно — «Рыдание о взятии великого града» (Μονωδίχ ἐπι τῇ ἀλώσει τῆς Μεγαλοπόλεως). Обычно это произведение оставалось вне поля зрения буржуазных исследователей, хотя, возможно, оно и принадлежит к числу наиболее известных и распространенных в свое время.

Из текста «Рыдания» можно заключить, что Иоанн Евгеник в момент захвата Константинополя турками находился, вероятно, в Трапезунте; он не был очевидцем последнего штурма Константинополя и, повидимому, ненадолго пережил падение оплакиваемой им столицы. Надо думать, что это произведение было последним трудом автора. Во всяком случае, оно написано не позднее 1461 г., когда турки завоевали родной город Евгеника — Трапезунт, ибо о гибели этого города «Рыдание» нигде не упоминает.

Будучи уроженцем Трапезунтской империи, Иоанн Евгеник, однако, во всем считает себя византийцем; Константинополь в его глазах является «общим отечеством». Не описывая фактов осады Константинополя, боев на улицах столицы, автор «Рыдания» предается своему горькому чувству и в лирических жалобах оплакивает падение «Нового Сиона» и «Нового Рима», которое считает возмездием, прежде всего, за вероотступничество и преступления его граждан.

По своему характеру «Рыдание» примыкает к чрезвычайно распространенному в эту эпоху литературному жанру: оно стоит в одном ряду со многими другими «Плачами», созданными различными авторами, и изве-

¹ Срв. К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1891, стр. 495.

² Ibid.

стными и анонимными¹, которые также оплакивали гибель когда-то славной и прекрасной столицы; однако произведение Иоанна Евгеника отличалось от них большей искренностью, полнотой и стройностью, — благодаря этому оно пользовалось ббльшим успехом и популярностью у своих современников.

Греческий текст «Рыдания» сохранился в нескольких рукописях XV—XVI вв. Один из списков XV в. хранится в Парижской Национальной библиотеке и зарегистрирован в «Каталоге греческих рукописей»². Другой список, относимый к началу XVI в., был найден Порфирием Успенским в библиотеке Иверского монастыря на Афоне и подробно охарактеризован в предполагавшемся к изданию «Описании рукописей Афонского Иверского монастыря»³; здесь же полностью помещен и текст «Рыдания». От неосуществившегося издания сохранились лишь сверстаные корректурные листы, которые хранятся в настоящее время в Архиве Академии Наук СССР⁴.

Описанный Порфирием Успенским под № 104 рукописный сборник Афонского Иверского монастыря, содержащий между другими произведениями «Рыдание» Иоанна Евгеника, имеет на стр. 86 запись, фиксирующую время составления сборника: «Закончено составление настоящей книги в лето 7022, в месяце феврале». Датой переписания сборника, таким образом, является 1514 год. «Рыдание» занимает в сборнике с 543 по 551 лист⁵.

«Рыдание», как уже замечено выше, является по своему характеру лирическим произведением, и автор его поэтому не ставит перед собою цели воспроизвести исторические события. В «Рыдании» выражены только чувства современников, чувства, охватившие их после пережитого ими общенародного бедствия. Евгеник называет Царьград «оком вселенной» и «твердойней нашего рода, зеркалом всего мира». Падение столицы произвело неизгладимое впечатление на писателя и словно лишило его дара речи. «Увы мне! — восклицает он, — и после этого я еще дерзаю говорить и возвещать ужасы! Как я не лишился ума? Как еще могу отверзать уста мои? Как я жив? И как еще могу я дышать, и чувствовать, и смотреть на свет!»

Поэт обращается к всевидящему солнцу: «Как устояло ты, видя такие несчастья, как не познало свой запад навеки, как не сокрылось ты в мрачных безднах земли! Ты воссияло врагам против нас и на истребление божьего города простерло ты свои лучи!» Евгеник призывает погибнуть вместе с городом всю вселенную, он проклинает день, в которой это несчастье случилось. «Лучше не жить, — пишет он, — лучше быть покрытым горами и холмами, поглощенным безднами земли. . . Ибо пришло торжество нечестивым, а нам поношение». Реки, ручьи, воздух, небо и «тело

¹ См. A. Ellissen. Analecten der mittelalterlichen und neugriechischen Literatur. Bd. III. Leipzig, 1857, S. 84—106.

² H. Oumont. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Suppl., N° 678, p. 269. См. И. И. Срезневский. «Отчет о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии». Изв. Отд. яз. и слов. АН, т. VII, 1903, стр. 118—119.

³ Указанное издание должно было составить V том «Востока христианского», однако этот том не вышел в свет ввиду смерти автора.

⁴ Раздел VI, стр. 5, 16.

⁵ Возможно, что Порфирий Успенский имел намерение издать не только греческий текст «Рыдания», но и перевод его на современный русский язык. Среди его рукописей, также хранящихся в Архиве АН СССР, имеется такой перевод, сделанный им самим. Однако этот перевод не отличается большой точностью и изобилует пропусками трудно поддающихся передаче мест.

эфирное» — поэт призывает оплакать вместе с ним падение «прекраснейшего города на земле».

Евгеник горестно замечает, что лучше было бы городу погибнуть от потопа, пожара, землетрясения, подобно тому как погибли многие города в древности, чем претерпеть и пережить все, что пришлось ему перестрадать, чем «видеть такое зло и быть игралищем врагов веры».

Обращаясь к городу, поэт называет его «золотым и великим», он недоумевает, какую именно из прекрасных его достопримечательностей оплакивать: величайший ли храм св. Софии, «небо на земле, второй рай», или великолепие прочих святых, или «повсюдный блеск», или каждую порознь красоту», «превосходящую древнюю красоту царевны-невесты».

Тяжелое положение греческого народа, оказавшегося под пятой угнетателей, в «Рыданиях» изображается посредством следующего сравнения: христоименитый народ стоит, как «дерево, лишенное листьев и цвета, как угасший свет золотого светильника». Возмездие греческому народу поэт считает справедливым наказанием: «За подражание делам язычников мы отданы язычникам, за дерзость, ничем не меньшую иудейской, обречены мы на гибель».

Евгеник напоминает о различных вещих предзнаменованиях, уже издавна грозивших Константинополю разорением: «Не надлежало ли нам, — пишет он, — вразумиться тьмочисленными ранами, язвами, голодом, землетрясениями, пожарами и частыми нападениями варваров, явлениями, которые предвещали и предупреждали нас о том, что нам пришлось испытать?» Он напоминает о несчастьях Фессалоники, Пелопоннеса, Лемноса и других областей Греции, попавших под власть турок ранее Константинополя.

Очевидно, в этом месте «Рыдания» Евгеник использует какие-то народные песни (τὰ πάλαι τοῦτοις ὑμνοῦμενα). Отрывок воспринимается в качестве ритмически построенной речи с тоекратными повторениями: ὄσους ἐν ἡπείρῳ, ὄσους ἐν νησὶς, ὄσους ἀπανταχοῦ γῆς μυρίους ἀνδ' ἀποδισμύς. «Древние многочисленные порабощения Иллирян, Триваллов, Пеониев, Кипрян, Готфов и Лесвиан на суше, на море и на всей родимой земле».

Далее автор оплакивает судьбу жителей города: «Что более оплачу, общественное или семейное? — восклицает он. — О горький плач, до вершин весь город объявший! Обнимали друг друга семейные! Увы! Обнимали они в последний раз любимых! Несчастны матери, лишаемые детей; несчастны девы, предаваемые позору».

Затем Евгеником оплакиваются «сокровищницы слова и наук», «хранилище книг эллинских и иноязычных». Выражая свой ужас по поводу пережитого, Евгеник пишет: «Я, когда услышал в первый раз, долго не верил, считал говорящих мне безумствующими, насмехающимися, богохульствующими и вещающими невозможное!» Из этих слов мы можем сделать вывод о том, что сам автор не был свидетелем гибели оплакиваемого им города и лишь слышал о событиях от очевидцев.

Автор указывает далее, что никакие несчастья, случившиеся ранее в истории, не могут идти в сравнение с пережитым: «Пусть никакой любоплачевный древний пророк уже не оплакивает горе древнего Иерусалима, ибо бедствия нового превзошли его во много раз. Да умолкнут древние страдания, да возвещаются настоящие!» Евгеник сопоставляет бедствия Константинополя с избиением монахов арабами в Раифском монастыре, с мучениями неджранских мучеников «при приснопамятном трихрабреннике Арефе», — эти мучения кажутся автору ничтожными по сравнению

со страданиями его современников. Упоминание именно этих событий, происходивших в X в. в Аравии, очевидно, вызвано тем, что их участники пострадали тоже от мусульман, как и жители завоеванного Царьграда; возможно также, что в данном случае проявился интерес Евгеника к истории Эфиопии и Аравии, возникший у него еще раньше, когда он работал над упомянутым выше предисловием к книге Иллидора.

Далее следуют литературные и исторические реминисценции, связанные с древней Элладой. Евгеник говорит о бедствиях Трои, об «Илиаде зла», сравнивает современные ему события с бедствиями афинян в Сицилии, имея в виду несчастный поход Алкивиада во время Пелопоннесской войны, описанный в «Истории» Фукидида.

«Уже нет нового Рима! — вновь восклицает поэт. — Уже нет нового Сиона! Уже нет второго Эдема!» Испытанные страдания кажутся Евгенику заслуженными византийцами, справедливым для них возмездием: «Хороши последствия наших несчастий, — пишет он, — и удивительный прирост приобрели мы, окаянные! О, злосчастие, превзошедшее все от века донныне бывшие бедствия!»

В заключительной части «Рыдания» его автор гневно обращается к своим единоплеменникам: «Стыд вам и укоризна, ромеи! Одни избиты варварами, другие в порабощении, многие скитаются повсюду и просят милостыню на выкуп своих близких и возлюбленных детей. Народ, обладавший вселенной, рассеян, разрознен и сделался странником и пришельцем!» Евгеник вновь использует литературные реминисценции, дословно цитируя слова какого-то неизвестного поэта античности, называя его произведение «Эпосом об аргивянах»: „Ἀνδράποδα, φεῦ! οἱ λαμπροί, καὶ γέννατοι, καὶ εὐπάρυφοι πρὸ μικροῦ!“ — «Увы, порабощены еще недавно знаменитые, славные и доблестные!»

И, наконец, используя, очевидно, «Метаморфозы» Овидия, Евгеник обращается к читателям: «Не лучше ли вам, подобно тем, что в мифах превратились в дерево и в камни, молча с ними лить вечно слезы, как рассказывают о тех, кто в древности пострадал?»

Как видно из пересказа, «Рыдание» — типично риторическое произведение. Оно изобилует литературными реминисценциями и цитатами из библейских книг ветхого и нового завета. Наряду с ними в тексте упоминаются и приводятся произведения античных авторов: «Илиада», «История» Фукидида, «Эпос об аргивянах», «Метаморфозы» Овидия. Этот своеобразный синкретизм, объединяющий библейское христианство и античное язычество, характерен для эпохи Ренессанса, для гуманизма, и в частности для византийского гуманизма.

Иоанн Евгеник выступает перед нами в своем «Рыдании» как сын своего класса и своего века, как один из блестящих представителей византийской культуры той эпохи, когда уже началось разложение феодальных отношений, как гуманист, желающий сохранить верность всем историческим традициям византийской образованности и письменности, свободный от западнических латинофильских увлечений, типичных для многих из его современников.

Слог «Рыдания» — непринужденный, часто отрывистый, переполненный риторическими вопросами и восклицаниями, через который пробивается, однако, неподдельное чувство. Постоянно встречаются в нем восклицательные предложения с междометиями οἱ μοι φεῦ! βαβαί! и т. д.

Неоднократно Евгеник пользуется созвучиями и звуковыми повторениями, которые часто воспринимаются как игра слов. Так, например: ὁ χριστιάνικον φύλον, ὡς ἐκφύλλων ἦδη καὶ ἄνθος κατὰρρῶν — Христианский род подобен дереву, лишенному листьев и цветку опавшему (игра слов

τό φύλον — род и ἐκφύλλον — лишенный листьев). Или: ἐξεδόθη αἱ μαργαρίται τοῖς χοίροις, καί χοιρῶν ἀμέλει χείροσι — Отданы жемчужины свиньям, попали в руки к худшим, нежели к свиньям (здесь игра слов χοίροις и χείροσι).

Лексика «Рыдания» разнообразна и изобилует сложными словами, образованными из двух или даже из трех основ, например: φιλοπολυμύθητος — буквально — «любящий много грехов» (в древнерусском переводе — «лукаволюбие»). Подобно этому образованы лексемы: φιλοπενθής — «любоплачевный», φιλάγαθος — «благолюбивый», εὐδαίμων — «счастливый», κακοδαίμων — «несчастливый», εὐπάρφος — «благогородный», πολυμνητος — «многопетый», μυριόνυμος — «тьмоименитый», περιένυμος — «благоименитый», «преименитый», τρισάθλιος — «тристрастный», τρισάριστος — «трихробренник» и т. п. Все это типично для риторического направления византийской литературы.

Среди глаголов часты образования при помощи приставок: ἐπαγγέλλειν, ἐξαγγέλλειν, περιαγγέλλειν — «возвещать», ἐπιλαλεῖν — «воскликнуть», ἀποκλαύσαι — «восплакаться», καταφαγεῖν — «заклать» и др.

Часто употребляются глагольные формы желательного наклонения, особенно страдательные и среднего залогов.

Все перечисленное, наряду с запутанной порою структурой предложений с частыми инверсиями, делает язык «Рыдания» местами темным и затруднительным для перевода.

Наконец, обращают на себя внимание отдельные фонетико-морфологические особенности Иверского списка «Рыдания». В нем в ряде случаев наблюдаем смешение гласных ι и υ, например: σιν (предлог) вместо συν; ριτίς (рытвина, морщина) вместо ρυτίς, δίνησις (заход) вместо δύνησις, δυσπράγμα (злодеяние) вместо δυσπράγμα, δισφίμος (хульный) вместо δισφίμος. Смешиваются также гласные ε и η («этацизм») в словосочетании αἰθέριον (σώμα) (эфирное тело) вместо αἰθήριον. Можно предположить, что указанные смешения свидетельствуют об особенностях произношения либо переписчиков, либо самого автора, хотя подобные фонетико-графические явления вообще нельзя считать чем-то необычным в византийских рукописях того времени.

Примечательны также формы местоимения ἀλλοίλους вместо ἀλλήλου, (друг друга). К сожалению, византийская (и особенно поздневизантийская) диалектология еще мало изучена.

Более детальное изучение языка «Рыдания» позволит, возможно, найти в нем ряд любопытных явлений, характеризующих среднегреческий период и эпоху становления новогреческого языка. Это благодарная задача для советских филологов-византистов.

«Рыдание о взятии великого града», несомненно, и по своему идейному содержанию и по стилю принадлежит к числу наиболее значительных произведений Иоанна Евгеника и, во всяком случае, оно более значительно, чем все те его труды, которые до сих пор были учтены и изучены западноевропейской буржуазной византистикой.

Древнерусский перевод «Рыдания» также заслуживает пристального внимания исследователей, и прежде всего потому, что здесь мы встречаемся с редким в древнерусской литературе случаем перевода, почти современного созданию памятника в подлиннике. Однако этот перевод не издан и никем еще не изучен.

Нам известны следующие списки древнерусского «Рыдания»:

- 1) Академии Наук СССР 45.13.4, XV в. (БАН, Ленинград).
- 2) Троице-Сергиевский 1—12, XVI в. (Москва, Библ. им. В. И. Ленина).

- 3) Уваровский 3(18), XV в. (Москва, Гос. Ист. музей).
- 4) Кирилло-Белозерский 63(1302), XVI в. (Ленинград, ГПБ).
- 5) Кирилло-Белозерский 64(1303), XV в. (там же).
- 6) Троице-Сергиевский 36(217), XVI в. (Москва, Библ. им. В. И. Ленина).
- 7) Синодальный 178 (Макарьевские Четыи Минеи), XVI в. (Москва, Гос. Ист. музей).
- 8) Синодальный 770 XVI—XVII в. (Москва, Гос. Ист. музей).
- 9) Барсовский 634, XVI в. (там же)¹.

Во всех без исключения списках текст «Рыдания» встречается всегда в одном и том же литературном окружении, т. е. непосредственно после текста так называемой «отдельной» редакции перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, между этим переводом и добавленной к нему главой, заимствованной из хроники Амартола и носящей заголовок «О втором создании Иерусалима и Церкви».

Указанное литературное окружение, бесспорно, не случайно. Оно помогает нам вскрыть, в связи с какими именно политическими идеями переводился, переписывался и распространялся в Русском государстве в конце XV и XVI вв. текст «Рыдания» Иоанна Евгеника. Внутренняя связь между «Историей» Иосифа Флавия и «Рыданием» осознавалась настолько тесной, что некоторые переписчики даже вставляли названия Иерусалима в заглавия переписываемого ими текста; так, например, в Синодальном списке 770 значится «Рыдание о запусении великого града Иерусалима».

Связь эта определялась прежде всего текстом самого «Рыдания», в котором сопоставлялись несчастья древнего Иерусалима, взятого римлянами, с злоключениями Иерусалима Нового, т. е. Константинополя, захваченного турками.

...Μηδεὶς συγγραφεὺς τὴν ὑστέραν ἐκείνης ἀλωσὶς πικρῶς ἱστορήτω, μηδὲς τινὸς οὖν ἄλλης, τὰ γὰρ τῆς ημετέρας ἐντραχῶδεϊν ὑπόθεσις ἴκανη.

«Пусть никакой историк не изображает последнее разрушение древнего Сиона и никакого другого города, ибо наше злосчастье есть более достойный предмет для описания», — читаем мы в «Рыдании».

В приведенных словах содержится явное указание на Иосифа Флавия, описавшего последнее разрушение Иерусалима.

Благодаря такому осмыслению «Рыдание» вошло в цепь тех литературных произведений, которые в XV—XVI вв. помогали идеологам Русского централизованного государства обосновать всемирно-историческую роль московского самодержавия. «Рыдание» было включено в круг литературных памятников, в которых проводилась идея «Москвы — Третьего Рима». Падение Константинополя («Уже нет Нового Рима» — писал Евгеник), считавшееся «возмездием» за вероотступничество его граждан,

¹ Три первых списка идентичны по составу, представляют собою копии одной и той же рукописи так называемого «Академического хронографа», т. е. исторического сборника особого вида, возникшего во второй половине XV в. «Хронограф» этого типа, описанный В. И. Срезневским, подробно обследован в специальной статье В. М. Истрина, а также в его труде «Георгий Амартол» (т. II, стр. 401—408). Срезневский и Истрин установили полное тождество списков № 1 и № 3. Тождественность с ними обоими Троицкого списка еще никем в печати не отмечена. В. М. Истрин, правильно считая, что «Хронограф» данного вида появился относительно поздно, исходит в такой его датировке лишь из общего состава сборника. Наличие в нем «Рыдания» Евгеника позволяет с большей точностью отнести появление «Хронографа» ко времени не ранее последней трети или четверти XV столетия.

в представлении сторонников этой идеи, передало славу древнего Рима Москве¹.

Цепь исторических параллелей: Иерусалим—Царьград—Москва ясно чувствовалась идеологами русской государственности и в XVII в. («Повесть об Азовском сидении», Никон, Аввакум и др.) и даже в эпоху Петра I, когда вновь были вызваны к жизни эти исторические воспоминания в связи с Азовским и Прутским походами), когда на этот раз были предприняты уже печатные издания сборников, соединявших в себе «Историю» Иосифа Флавия, повествующую о взятии Иерусалима римским императором Титом, и новую редакцию «Повести о взятии Царьграда»².

Время, когда на Руси появилось «Рыдание» Иоанна Евгеника, может быть установлено более или менее точно с помощью одной из записей, сохранившихся в списке Макарьевской Четвы Минеи (Синод., 178), где, как сказано, содержится текст книг Иосифа Флавия в соединении с «Рыданием» (последнее занимает листы 923—928). На листе 929 упомянутой рукописи имеются записи, копирующие записи более ранних переписчиков. Третья из них может быть отнесена уже к тексту, соединившему в себе «Историю» Иосифа Флавия и «Рыдание» Иоанна Евгеника. Запись эта гласит: «Сіа книга Іосифъ Маттафіин написана бысть въ преименитом и великомъ Новѣградѣ въ лѣто 6976, при державѣ благовѣрнаго и благочестиваго великаго князя Ивана Васильевича Володимерьскаго и Московскаго всея Руси самодержца, и при сыне его Иване Ивановиче, и при священномъ архиепископѣ Великаго Новагорода и Пскова пладыцѣ Ионѣ»³.

Таким образом, перевод уже существовал и переписывался в соединении с «Историей» Иосифа Флавия в 1468 г., т. е. почти одновременно с появлением «Рыдания» в оригинале. Если мы будем считать датой написания «Рыдания» Евгеником 1453—1461 гг., то окажется, что появление перевода отделено от появления оригинала не более как 10-летним промежутком времени.

Интерес к переводу именно в Новгороде, и притом накануне окончательной потери им политической независимости, тоже, разумеется, оказывается не случайным. Действительно, в этом городе и в эти годы особенно остро ощущались исторические аналогии. Недаром новгородские летописцы-современники сравнивают Ивана III с Титом, а новгородцев — с осажденными жителями Иерусалима⁴.

Вероятно, и «Рыдание» находилось в числе тех литературных произведений, которые проникли в Москву после присоединения Новгорода и также служили идее «Москва — третий Рим», как и повесть «О белом клобуке».

¹ О теории «Москва — третий Рим» см. И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. Изд. АН СССР, 1947, стр. 167—172, 175—178; Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования национального государства. Госполитиздат, 1945, стр. 28—29.

² Полное заглавие упомянутого печатного сборника: «История о разрушении последнем святого града Иерусалима от римского цесаря Тита сына Веспасианова» и «О взятии славного столичного града греческого Константинополя (иже и Царьграда) от турецкого султана Махомета второго». СПб., 1716. Второе издание было выпущено в 1723 г.

³ П. Строев. «Библиологический словарь», изданный А. Ф. Бычковым. СПб., 1889, стр. 401.

⁴ См., например, «Московский летописный свод конца XV в.» (ПСРЛ, т. XXV, М., 1949, стр. 286). «И таково бе возмущение в них, якоже древле в Иерусалиме бысть, егда предаст его господь в руке Титове, яко бо тогда, тако и сии меж себя брань творяху».

Перевод «Рыдания» является неоспоримым доказательством наличия тесной связи между греко-православным направлением в Византии и духовенством Русского государства. По всей вероятности, звеном, связывавшим их между собою, мог быть Афон — этот своеобразный центр православного монашества того времени. Во всяком случае обращает на себя внимание тот факт, что списки «Рыдания», сочиненного уроженцем полу-грузинского Трапезунта Иоанном Евгеником, сохранились именно в Иверском, грузинском монастыре Афона. Не является ли это подтверждением того, что и после разгрома византийской столицы Русь продолжала поддерживать сношения с оставшимися еще вне власти турок частями греческой территории: Афоном, Трапезунтом и др.? — Быть может, связи эти шли через Кавказ. . .

Переводчик «Рыдания» на русский язык был, несомненно, уроженец Руси, а не принадлежал к южным славянам. Это доказывается многочисленными «восточнославянизмами» в языке перевода: «озеро», «преже», «надежа», «оже о себе» и др., хотя в нем и имеются искусственно болгаризирующие формы, свойственные русскому официальному литературному языку XV в. Есть основание думать, что переводчик мог быть уроженцем южных областей Руси. На эту мысль наводит систематическое употребление во всех списках перевода предлога «при» с дательным падежом, а не с местным: «при Антиоху», «при приснопамятному трихрабреннику Арефе» и др. Подобное управление при данном предлоге присуще украинским говорам и современному украинскому литературному языку, но нигде не встречается ни в старинных памятниках северно-русского происхождения, ни в одном из современных великорусских народных говоров. Перевод, вероятно, был осуществлен в одном из афонских монастырей, которые в XIV—XV вв. были «местом «постоянного» литературного обмена между греками, южными славянами и Русью»¹.

Правда, А. И. Соболевский, еще в 1903 г. обративший внимание на этот факт, приводит примеры литературного общения Руси с Афоном, относящиеся лишь к первой половине XV в., считая, что после 1453 г. такое литературное общение почти совсем прекратилось («Афон, к которому нужно было ехать через подвластный иноверным Константинополь, не мог привлекать их (русских) к себе столько, сколько прежде»²). Появление именно в эти годы перевода «Рыдания» подтверждает наличие литературного обмена между Русью и Афоном и в более позднее время, во всяком случае еще в 50—60-е годы XV в.

Древнерусский перевод «Рыдания» сделан был, очевидно, не с того греческого списка, который был найден в Иверском монастыре Порфирием Успенским и подготовлен им к изданию, а с какого-то другого, более совершенного и, несомненно, более древнего. Это доказывается обычным совпадением древнерусского перевода с теми исправлениями и редакторскими пометками, которые содержатся на полях Иверского списка и свидетельствуют о позднейшей сверке его по более ранним и исправным спискам.

Перевод можно считать точным и близким к тексту, особенно в отношении синтаксиса и порядка слов, обычно полностью совпадающего с греческим подлинником.

¹ См. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси. М., 1903, стр. 11, 31.

² См. там же, стр. 13. Соболевский ссылается в данном месте на книгу Малинина «Старец Филофей», стр. 232, где тот указывает на свидетельство Троицко-Сергиевской рукописи № 1462, л. 25, о пребывании Аналия Новгородца в Константинополе в 1489 г.

Вместе с тем древнерусский перевод отнюдь нельзя назвать «рабским». Он характеризуется рядом существенных отличий от греческого подлинника.

Это проявляется, во-первых, в нарочитом сглаживании в переводе всех реминисценций, связанных с античным языческим миром. Так, в переводе совершенно исчезает упоминание об «Илиаде». Соответствующее место, подвергшееся искажениям в большинстве русских списков, гласит: «Ничто же яже Трое злая, или сия злоба». Так переданы древнерусским переводчиком выражения: οὐδὲν τὰ Τροίας δεινά, κχι Ἰλιάς κακῶν, т. е. буквально: «Ничто (по сравнению с нашими) бедствия Трои и Илиады зла». Намек на мифологические превращения, связанные с «Метаморфозами» Овидия, тоже сглажен. Правда, в данном случае подлинник дает очень запутанный и трудный для перевода текст, но все же и в переводе начисто устранены какие бы то ни было мифологические реминисценции. Наконец, «жилище муз», ἐστία χριτων греческого подлинника, превращено переводчиком в «дом благоденствия».

Во-вторых, мы видим, что библейские и церковные цитаты и упоминания в переводе, наоборот, не только сохраняются, но и распространяются и уточняются. Вместо лаконического ἀλάδιστον ὕμνο в греческом подлиннике, мы читаем в древнерусском переводе «иже акафиста благодарственную песнь» и т. п.

Все это подтверждает догадку о том, что переводчик текста был монах.

Пропуски в тексте перевода незначительны и немногочисленны, они несколько облегчали труд переводчика при передаче запутанных мест греческого текста.

Ряд мест в переводе показывает, что переводчик, повидимому, иначе читал греческий текст «Рыдания», нежели мы его читаем сейчас по Иверскому списку. Слова: τὰ κοινὰ ἢ τὰ οἰκεικκά переданы в переводе: «Общая или своя злая», — очевидно, читалось в греческом тексте, имевшемся под рукою у переводчика: τὰ κοινὰ ἢ τὰ οἰκεικ κκά, т. е. был добавлен в конце текста еще один одинаковый слог. Вместо слова γενέων (родов, поколений), очевидно, переводчик прочитал γενναίων, так как перевел это место «доблестными», и др.

Многие затруднения были вызваны для переводчика несовпадением грамматического рода существительных в греческом и русском языках. По-гречески ἡ πόλις, μεγάληπολις — женского рода; по-славянорусски: градъ, великий царствующий градъ — мужского рода. Отсюда следует нарушение буквального контекста в сторону его более ясного и разумного осмысления. Так, выражение подлинника: οὐκ ἔστι βασίλις — «уже нет более царицы» (столицы) — передано в переводе: «не к тому царствую ем». Существительное женского рода, в данном случае необычное для русского языка, передается глаголом. Словам подлинника: καὶ ποτε παρὰ κληθῆση βασίλις μεγάληπολις соответствуют в переводе: «и когда утешающаяся царский великий граде». При этом, правда, разрушается художественный женский образ города-столицы, устраняется смысловой параллелизм между плачущей о своих детях библейской Рахилью и плачущей столицей, но основной смысл подлинника передан точно и правильно.

Там, где идет речь о порабощении города мусульманами, в греческом тексте сказано, что «царица городов» (βασίλις τῶν πόλεων) стала «рабой» (δούλη), «внуком рабыни (δουλίδος) Агари». Это место русский переводчик перевел так: «дивный царь градом рабъ ныне оуже и внукомъ рабыни Агари». Тавтологическое выражение μεγάληπολις πόλις передается просто «великий граде».

Порядок слов перевода, как уже отмечалось, в большинстве случаев точно соответствует подлиннику со всеми его служебными словами

и артиклами, передаваемыми посредством местоимений «иже, еже, оже», обычно не согласуемыми в падеже и в числе. Однако в ряде мест перевод отступает от порядка слов в оригинале, в результате чего в нем порядок слов упрощается, становится более логичным и прозрачным.

Обычно каждой лексеме греческого оригинала соответствует в переводе во всех случаях употребления одна и та же лексема. Однако мы отмечаем 38 случаев, не считая предлогов и местоимений, когда одна и та же греческая лексема передана различными русскими, например: *ἀκροσμία* — «некрасота» и «нелѣпота», *δύναμις* — «сила» и «крепость», *φωνή* — «воплъ» и «глас». При этом насчитывается 12 случаев передачи одного и того же греческого глагола приставочными видовыми разновидностями русских глаголов, например: *πενθεῖν* — «плакати» и «всплакати», *φαιδῆσθαι* — «щадѣти» и «пощадѣти», *πληρεῖν* — «исполнити» и «исполняти». Наряду с этим более чем в 70 случаях мы встречаемся в переводе с передачей при помощи одной и той же русской лексемы различных греческих лексем оригинала, например: «запустѣши» — *ἐρήμωσις* и *ἄλωσις*, «благый» — *ἀγαθός* и *χρηστός*.

Специально следует остановиться на вопросе о сложных словах в оригинале и в переводе. В греческом подлиннике, как уже отмечено выше, таких слов очень много. Переводчик также свободно и часто использует их в своем тексте, обнаруживая при этом полную самостоятельность и независимость от греческого подлинника.

Мы можем отметить в переводе следующие шесть типов несовпадения с греческим оригиналом в отношении передачи сложных слов:

а) сложное слово греческого текста передается сочетанием двух слов в переводе:

<i>ἀτεχνούν</i>	— «бесчадных творити»,
<i>βραφραναίρεσις</i>	— «младенец избиеге»,
<i>μυριόνυμος</i>	— «тьма именитый»;

б) сложным русским словом передается сочетание двух греческих слов:

<i>ὑπό ζυγόν</i>	— «подіаремный»,
<i>μεσούσης ἡμέρας</i>	— «полудне»;

в) сложное слово греческого оригинала передается простым русским словом:

<i>κακοπαθεία</i>	— «страдание»,
<i>λυρῳδός</i>	— «гусльщикъ»,
<i>οἰκονομαία</i>	— «оустроение» и т. п.;

г) простое греческое слово греческого оригинала передается сложным русским словом в переводе:

<i>δυσморός</i>	— «злонарочитый»,
<i>γέλως</i>	— «смехотворение»,
<i>μοιχαλῖς</i>	— «прелюбодѣица»;

д) одному простому греческому слову соответствует в переводе сочетание из двух русских слов:

<i>νάματα</i>	— «воды сладкы»,
<i>δύσλυτος</i>	— «неудобъ емлемый» и т. д.;

е) сочетание слов в греческом — простое слово в русском:

<i>τῆς ἑξω</i>	— «виѣшним».
----------------	--------------

Таким образом, при передаче сложных слов оригинала переводчик придерживался того же принципа, что и живший за 400 лет до него переводчик хроники Амартола¹.

Самостоятельно обращаясь с лексическим материалом, переводчик создавал сложные слова там, где это вызывалось стилистической необходимостью, и, наоборот, выражался сочетанием простых слов или простыми словами, где ему представлялась возможность упростить материал.

Следует специально отметить передачу древнерусским переводчиком греческого сочетания слов: ἀργείων το ἔπος (эпос об аргивянах) — выражением: «еже о аргивнѣх слово».

Как видно, термином «слово о...» в XV в., как и в более раннюю эпоху, обозначалось именно эпическое литературное произведение. Это яркая параллель к заглавию русского эпоса «Слова о полку Игореве».

Самостоятельность переводчика проявилась также и в том, что он в своем труде совершенно не допускал греческих слов, оставляемых без перевода. Кроме собственных имен и слов, освоенных старославянским и русским языком еще в X—XI вв. (ангел, ад, акафист и т. п.), других лексем, заимствованных из греческого языка, мы не встречаем в переводе.

Отсутствующие в русском языке грамматические формы греческого языка в переводе передаются всегда по смыслу: так называемая форма желательного наклонения — сослагательным с частицей «да» или союзом «яко да»: «яко да речеши злое».

Греческие причастия будущего времени, отсутствующие в старославянском и русском, передаются формами инфинитива; так, например, ἐφυλαττόμην ὀφόμενος, ἀρνέσων, πένθησων τῆν κοινὴν συμφορὰν — «Храняся узрети, и рыдати, и плакати общую беду».

Таким образом, проанализировав особенности перевода, мы можем установить, что переводчик был прекрасным мастером дела, и самый перевод является одним из лучших образцов высокого уровня переводческого искусства в Московской Руси.

«Рыдание» Иоанна Евгеника, будучи широко распространенным в литературных кругах Московского государства, нашло отражение в целом ряде оригинальных памятников русской письменности XVI—XVII вв.

По всей видимости, с «Рыданием» был хорошо знаком старец Елеазарова монастыря Филофей. В его послании к великому князю Василию Ивановичу, в котором обосновывалась идея «Москва — третий Рим», имеются следы прямого заимствования им ряда выражений из «Рыдания». В послании сказано о том, что церкви второго Рима — Константинополя, из-за измены их на Флорентийском соборе, «агаряне внуюди (т. е. мусульмане) изломали и рассеяли»². Это почти буквальное повторение следующего места перевода «Рыдания»: «Иже преименитый царь градом раб ныне уже внуком рабыни Агари». Лирические периоды «Повести о взятии Царьграда», написанной Нестором Искандером, очень близки к переводу «Рыдания» и хранят следы непосредственного знакомства с его текстом либо самих авторов «Повести», либо ее последующих переписчиков. Например: «Тако же и сии цесарствующии граде неисчетными согрешениями и безаконными от стольких щедрот и благодеяний пречистыя богоматери тьмочисленными делами и различными напастями много лет пострада. Тако же и ныне, в последняя времена, грех ради наших, овогда нахождением неверных, овогда гладомь и поветрей частыми, овогда же междуусобными браньми, ими же оскудеша и обнищаша людие, и преуничижися град, и

¹ В. М. Истрин. Георгий Амартол, т. II, стр. 184—185.

² И. У. Будовниц. Указ. соч., стр. 171.

смирися до зела, и бысть яко сень в винограде и яко овощное хранилище в вертограде»¹.

Наиболее же близкие и многочисленные сближения с текстом «Рыдания» мы имеем возможность сделать при изучении русского памятника начала XVII в., относящегося уже исключительно к русским событиям того времени. Это «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» — одно из наиболее характерных литературных произведений, созданных в эпоху Крестьянской войны и польско-шведской интервенции².

С текстом «Рыдания» наиболее тесно связан только второй раздел «Плача»³.

Буквальных совпадений между обоими текстами чрезвычайно много. Ограничимся лишь сравнением одного места. Для удобства сопоставления приводим текст «Плача» с параллельными местами, заимствованными из «Рыдания» Иоанна Евгеника.

«ПЛАЧ»

(По изданию «Русской Исторической библиотеки», т. XVII, стр. 221—224).

О горького всемирного заколения, христоименитыи роде, якоже листь уже и цвѣтъ отпадъшии, подъять чашу нераствореннаго гнѣва! (стлб. 223—224). Како претерпѣ, толико видѣвъ? (стлб. 224). Како еще не зазрѣло присно бѣдству своему и в недрѣх земных безвестно себе предало бы и вся во тьме оставило бы, якоже при спасениѣ и страсти в полудне (стлб. 324).

О, кто дастъ главѣ моеи воду и очима мойма источникъ горьких слезъ неисчерпаемых? И восплачу новаго Сиона (стлб. 224).

Якоже любоплачевен пророкъ, яже древле Иерусалиму плачеть злая (стлб. 224) и т. п.

«РЫДАНИЕ»

(По рукописи Кирилло-Белозерской № 64 (1303) (л. 311—322), хранящейся в Отделе Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

О христоименитыи роде, якоже и листе оуже и цвѣте огпадши. (л. 316). О горькая чаща исполнь нерастворенного праведного гнѣва. (л. 316). Како претерпѣ толико видѣвъ? (л. 312). Како и еще не зазрѣло бы присно бѣдству своему и всего вѣка во тьмѣ остави и в нѣдрѣх земли безвестно себе прѣдало... при спасенѣи страсти в полудне (л. 312).

Кто даст главѣ моеи воду и паче моря вся и очима мойма источникъ или множайшия рѣкы неисчерпаемыхъ слезъ и восплачу дщерь Сионову (л. 312).

Ни един к тому любоплачевенъ пророкъ иже древнего Иерусалима да плачет злая (л. 321) и т. п.

Как видим из сопоставления, в большинстве случаев совпадения между обоими текстами буквальны. Эти параллели ясно показывают, насколько широко распространен и авторитетен на Руси был перевод «Рыдания» еще и в XVII в. Безымянный автор эпохи Крестьянской войны и польско-

¹ Памятники древней письменности, LXI. СПб., 1886 (изд. архим. Леонида).

² Это произведение было впервые издано во «Временнике Московского общества Истории и Древностей Российских», кн. V, 1850, стр. 364, а затем перепечатано в т. XVII «Русской Исторической библиотеки», в серии «Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени». Л., 1925, стр. 221—224.

³ Издателями к этому тексту делается следующее примечание: «Отсюда и до слов: начну же еще беседовати в кратце (см. ниже, стр. 234) текст значительно испорчен и не может быть исправлен на основании списка С, так как в последнем это место пропущено вовсе». См. там же, стр. 227, прим. 2.

шведской интервенции, переживший разгром Московского государства и захват его столицы поляками, широко и богато использовал труды своих предшественников и оплакивал иногда падение своей столицы такими словами, которые его начитанность помогла ему найти в «Рыданиях», оплакивавшем падение Византии. Это совпадение показывает, насколько актуальна была еще риторическая традиция так называемого «украшенного слога» и в русской литературе XVII в.

Итак, первым по времени откликом в Русском государстве на разгром турецкими полчищами Византии в 1453 г. был древнерусский перевод «Рыдания» Иоанна Евгеника. Это произведение выражало непосредственно глубоко сочувственное отношение широких кругов русского общества к попавшим под ярмо турецких ассимиляторов своим балканским братьям — грекам и славянам. В отличие от ряда публицистических произведений XVI в., идеализировавших султанскую Турцию (И. Пересветов), перевод «Рыдания» в течение ряда веков способствовал воспитанию резко отрицательного отношения к турецким поработителям среди русских людей того времени. Иоанн Евгеник принадлежит к числу выдающихся деятелей византийской общественности и литературы в эпоху падения империи; его литературная деятельность не прекращалась и после захвата Константинополя турками.

«Рыдание о взятии великого града» принадлежит к числу замечательных по идейному содержанию и по художественности произведений Иоанна Евгеника. Это своего рода заключительный аккорд всей византийской литературы; в нем с неподдельной страстностью и силой выражены горькие чувства современников катастрофы, постигшей Византию и весь греческий народ.

Древнерусский перевод «Рыдания», появившийся не позже 60-х годов XV в., почти одновременно с созданием подлинника, свидетельствует о живой связи русских людей с Византией, не прекращавшейся и после турецкого завоевания. Эту связь продолжали поддерживать, возможно, через Трапезунт, Иверию и монастыри Афона.

Перевод «Рыдания» нашел себе живой отклик в общественных событиях и идеологических направлениях Новгорода и Московской Руси того времени и явился одним из произведений, утверждавших всемирно-историческую роль Московского государства. «Рыдание» сохраняло большое общественное значение вплоть до XVIII в.

Древнерусский перевод «Рыдания», точный и близкий к оригиналу, свидетельствовал о самостоятельном подходе к произведению со стороны переводчика, выразившего через его посредство свои собственные идеологические устремления. Перевод «Рыдания» свидетельствует о высоком мастерстве перевода в Московской Руси.

«Рыдание» в древнерусском переводе стало одним из излюбленных произведений русской книжности и нашло свое отражение в XVI—XVII вв. в ряде оригинальных русских литературных памятников, относящихся, в частности, ко времени Крестьянской войны и польско-шведской интервенции.

Все сказанное заставляет признать «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод памятником, представляющим немалый интерес для изучения русско-византийских связей в эпоху потери Византией государственной независимости, и высказать пожелания о том, чтобы как греческий, так и русский текст «Рыдания» был опубликован и вошел в оборот советской исторической науки.